

средство отвлечь бурю, угрожающую вам: примите к себе священников, которые настаивают на вас в религии христианской; обратитесь к ней и почитайте крест, иначе я буду преследовать вас повсюду, и Бог решит, кто из нас, вы или я, останется владельцем Египта».

Неджмеддин при чтении этого письма не мог воздержаться от слез и приказал своему секретарю кади Боадину написать следующий ответ:

«Во имя всемогущего и милосердного Бога, да будет его благословение над нашим пророком Магомедом и над его друзьями. Я получил ваше письмо; оно исполнено угроз, и вы хвалитесь огромным числом своих воинов; или вы не знаете, что мы умеем владеть оружием и что мы наследовали храбрость наших предков? Еще никто не отважился напасть на нас без того, чтобы не испытать на себе нашего превосходства. Припомните наши победы над христианами; мы их изгнали из страны, которой они владели; сильнейшие города пали под нашими ударами. Приведите себе на память тот стих Алкорана, где говорится, что «те, которые несправедливо сражаются, погибнут»; и другой, где сказано: «Сколько раз многочисленнейшие войска были поражены горсткой солдат!» Бог покровительствует правде, и мы не сомневаемся в том, что он защитит нас и сделает тщетными ваши горделивые замыслы».

В субботу французы сделали вылазку на том самом месте, где находился лагерь Факреддина; они раскинули красную палатку для короля; мусульмане сделали некоторые попытки не допустить их на берег; эмир Неджмеддин и эмир Саримеддин были убиты в схватке. В начале ночи эмир Факреддин снялся с лагеря вместе со своей армией и, перейдя мост, который ведет на восточный берег Нила и где находится Дамьетта, направился по дороге в Ашмун-Тани (Мансуру). Вследствие такого его движения французы овладели западным берегом реки. Ничто не может изобразить отчаяния жителей Дамьетты, когда они увидели эмира Факреддина, как он удалялся от их города и предоставил их на жертву ярости христиан; они не осмелились выжидать неприятеля и с поспешностью бежали в ту же ночь. Образ действия мусульманского предводителя был тем

менее извинителен, что гарнизон города состоял из большого числа людей и притом из храброго колена Бени-Кенане, и что сам город был более в состоянии выдержать теперь осаду, нежели прежде, когда его обступили франки, в правление султана Эльмеликула Камиля; несмотря на язву и голод, франки могли тогда овладеть городом только после 16 месяцев осады.

В воскресенье утром (6 июня 1249 г.) французы явились перед городом; удивленные отсутствием жителей, они опасались какой-нибудь засады; но вскоре, удостоверившись в бегстве жителей, они, не обнажая меча, овладели городом и всеми его укреплениями. При известии о взятии Дамьетты в Каире произошло всеобщее смятение; с горем помышляли о том, как такой успех увеличит силу и отвагу христиан; неприятель видел, как малодушно бежала перед ним мусульманская армия, и захватил в свои руки бесчисленное множество оружия всякого рода и припасов, военных и съестных. Болезнь султана, увеличивавшаяся с каждым днем и препятствовавшая ему действовать в таких критических обстоятельствах, довершила отчаяние египтян; никто не сомневался, что царство делается скоро добычей христиан.

Султан, негодуя на малодушие гарнизона, осудил 50 главных печальников удавить; напрасно они ссылались на отступление эмира Факреддина; султан отвечал им, что они заслужили смерть уже тем, что оставили Дамьетту без его приказанья: один из таких начальников, осужденный погибнуть вместе с сыном, молодым человеком редкой красоты, просил казнить его прежде сына; султан отказал ему в этой милости, и отец имел горе видеть умерщвление сына на своих глазах.

После этой казни султан повернулся к эмиру Факреддину: «Какое сопротивление оказал ты, — спросил он раздраженным голосом, — и какую битву ты дал? Ты не мог устоять одного часа против франков: следовало иметь более твердости и мужества». Начальники армии боялись при гневном султана за жизнь Факреддина; они дали понять эмиру, что готовы умертвить своего повелителя. Факреддин отказался согласиться на то и после говорил им, что султан может